

О ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ИСПОЛНИТЕЛЕМ 1-ГО ЛИЦА

АДРИАН БАРЕНТСЕН

1. Вводные замечания

Одним из спорных пунктов в литературе о грамматическом строе русского языка является вопрос о парадигме императива, т.е. о том, следует ли кроме “основных” форм 2-го лица ед. и мн. ч. включать в эту парадигму еще и другие формы.¹ В большой степени эти разногласия связаны с тем, что возможные “претенденты” на формы 3-го и 1-го лица своим аналитическим обликом сильно отличаются от основных, синтетических форм. Однако в настоящее время, когда стал господствовать более функциональный подход к подобным вопросам, многие грамматисты считают, что такие образования, как *пусть/пускай поможет, пусть/пускай помогут, давай(те) поможем, давай(те) (будем) помогать* в семантическом плане достаточно близки к основным формам, и их можно рассматривать в рамках одной парадигмы. Намного более спорным оказывается вопрос о возможности включения в императивную парадигму формы 1-го лица единственного числа. При отрицании такой возможности приводятся именно семантические аргументы: “В силу характера своего значения повелит. накл. не образует форм 1-го л. ед. ч.” (РГ-70 1970: 356). В указанной грамматике значение повелительного наклонения определяется таким образом, что фактически не остается места для обсуждаемой формы: “действие [...] должно осуществиться одним лицом в результате волеизъявления (побуждения, требования или категорической просьбы) другого лица” (РГ-70 1970: 355). Однако, судя по работе Храковского и Володина (1986), такое определение вряд ли может претендовать на универсальность. В языках мира встречаются системы форм с императивной (или достаточно близкой к ней) семантикой, в которые входит также синтетическая форма 1-го л. ед. ч. Некоторые примеры таких форм, приведенные в указанной работе (1986: 32-35), мы воспроизводим ниже. Каждая форма снабжена ее толкованием на русском языке, которое дается автором источника данного материала:

¹ Подробный обзор разных мнений дается в Храковский и Володин (1986: 108–120).

венгерский	<i>írjak</i>	‘дай/те я напишу’ (Х/В) ²
монгольский	<i>явъя</i>	‘давай/те пойдем’, ‘дай/те пойду’ (Х/В) ³
якутский	<i>барыым</i>	‘пойду-ка я’ (Коркина)
башкирский	<i>барайым</i>	‘пойду-ка я’ (Юлдашев)
казахский	<i>келейін</i>	‘приду-ка я’ (<i>Современный казахский язык</i>)
тофаларский	<i>алаайн</i>	‘возьму-ка я’ (Рассадин)
уйгурский	<i>алай</i>	‘возьму-ка я’ (Исхадов, Палмбах)
нивхский	<i>виныкта</i>	‘пойду(ка) я’ (Панфилов)
эвенский	<i>гадажу</i>	‘возьму-ка я’, ‘давай возьми’ (Новикова)
корякский	<i>мылэк</i>	‘пусть я пойду’ (Жукова)

Этот обзор демонстрирует, что русскоязычные авторы работ об указанных языках для передачи данного значения прибегают к сочетаниям формы индикатива 1-го л. ед. ч. с различными частицами – энклитика *-ка* и препозитивные частицы *дай*, *дайте*, *давай* и *пусть*. Все эти сочетания, включая еще и частицу *давайте* и некоторые комбинации препозитивной частицы с энклитикой (типа *дай-ка*), встречаются и в обычных русских текстах. Нетрудно установить, что данные сочетания не совсем синонимичны: в некоторых из них явно присутствует элемент побуждения, направленного к адресату (*дайте напишу*, *давай возьми*), в других же адресат особой роли не играет (*пойду-ка*, *пусть я пойду*). Тем не менее их значения достаточно близки, и их можно рассматривать как члены одной группы. На это указывает и тот факт, что в других языках эти разные русские сочетания иногда могут соответствовать одной форме или конструкции (см. выше альтернативные переводы эвенской формы). В германских языках разным типам русских сочетаний фактически соответствует одна конструкция, а именно конструкция с императивом каузативного глагола (англ. *to let*, нем. *lassen*, нидерл. *laten* и т.д.). Следующие примеры, содержащие английские предложения такого типа, и несколько разных вариантов его перевода на нидерландский и русский языки, иллюстрируют существование определенного параллелизма между названными конструкциями:

- (1) Англ. “**Let me do** it for you,” said Pooh kindly (Milne: *Winnie-the-Pooh*);
 Нидл ‘Wacht, **laat mij** het even voor je **doen**,’ zei Poeh vriendelijk (Bouhuys);⁴

² Х/В – Храковский и Володин 1986.

³ При всех монгольских формах, которые можно рассматривать как члены императивной парадигмы, отсутствует противопоставление по числу (Храковский и Володин 1986: 39).

⁴ В скобках указана фамилия переводчика.

- Нид2 “**Laat ik** ’t even voor je **doen**,” zei Poeh heel vriendelijk (van Nichtum);⁵
- Рус1 “**Дай-ка я попробую**”, – добродушно говорит Пух (Руднев);
- Рус2 – **Давай я тебе помогу**, – сказал Пух услужливо (Заходер);
- (2) Англ. then **let me be** the end (Milne: *Winnie-the-Pooh*);
- Нид. **laat me** dan ook werkelijk de achterhoede **zijn** (van Nichtum);
- Рус. то **пусть я и буду** в конце (Заходер).

Ввиду отмеченной семантической близости мы сочли целесообразным рассмотреть указанные русские конструкции по возможности все вместе. Таким образом можно лучше продемонстрировать не только их сходство, но и различия. Задачу нашей статьи мы видим именно в том, чтобы дать обзор всех конструкций, в которых представление о действии самого говорящего сопровождается тем или иным элементом побудительности, и выявить наиболее характерные черты каждой из них. Как нам кажется, такой обзор мог бы сыграть роль необходимой “материальной базы” для решения теоретического вопроса, поставленного в начале этого параграфа. Однако, в настоящей статье мы к этому вопросу возвращаться не будем.

Обсуждаемые конструкции иллюстрируются примерами, найденными в нашем компьютерном корпусе. В конце статьи приводятся некоторые количественные данные об употреблении важнейших конструкций в разные эпохи современного русского литературного языка.

Включая ту или иную конструкцию в рассматриваемую группу, мы руководствуемся следующими критериями:

- а) основное действие относится к будущему;
- б) исполнителем основного действия является только говорящий;⁶

⁵ Нидерландские переводы приводятся для иллюстрации интересного различия между германскими языками. В отличие от английского языка, в нидерландском языке существует определенная возможность дифференциации внутри указанной конструкции: наряду с объектной формой личного местоимения (*mij* или безударное *me*), которая является единственно возможной в английском языке, в нидерландском встречается также субъектная форма (*ik*). Между этими конструкциями существует определенное семантическое различие, которое, однако, еще недостаточно исследовано. Интересно отметить, что сходное формальное различие существует и во множественном числе: англ. *let us pray* соответствует нидерл. *laat ons bidden* (с объектной формой) в двух значениях – ‘(давай(те)) помолимся’ или ‘дай(те) нам помолиться’. Однако в первом значении (призыв к совместному действию) вместо указанной конструкции намного чаще субъектная конструкция (*laten wij* (или безударное *we*) *bidden*) с согласованной формой глагола.

⁶ Целесообразно включить сюда и тот редкий случай, когда говорящий намеревается исполнить действие совместно с другим человеком, но только если тот не является адресатом высказывания. См. пар. 5.

- в) данное выражение содержит формальный показатель побудительности (или может рассматриваться как достаточно близкий синоним такой конструкции).

Специализированные конструкции, удовлетворяющие этим критериям, рассматриваются в параграфах 7-12. Однако, прежде чем перейти к ним, мы хотели бы обратить внимание на некоторые явления в сфере употребления обычных форм императива, которые близки к интересующим нас значениям.

2. Основная форма императива при самопобуждении говорящего

Изредка встречаются высказывания с императивной формой 2-го л. ед. ч., в которых говорящий обращается не к обычному адресату (т.е. к другому человеку), а к самому себе:

- (3) Ну-ка, думаю, Вася, **проверь** (Алешковский);
(4) [Николас] осадил себя: **не увлекайся, не забегай** вперед (Акунин).

Хотя они и удовлетворяют названным в предыдущем параграфе критериям, мы на них не останавливаемся. По нашему мнению, существование таких высказываний следует считать лишь периферийным явлением. С точки зрения структуры русского языка они не представляют особого интереса. Здесь речь идет скорее всего об универсальном, *психологическом* явлении – способности человека смотреть на себя со стороны. По всей вероятности, подобные высказывания возможны во всех языках с обычными императивными формами 2-го лица. С точки зрения структуры языка, в примерах (3) и (4) представлено употребление императивной формы в основном своем значении.⁷

3. Основная форма императива с субъектом 1-го л. ед. ч.

Как известно, в русском языке основная форма императива (ед. ч.) встречается в сочетании со всеми возможными субъектами, в том числе и с субъектом 1-го л. ед. ч. Подобные случаи относятся к разным типам переносного употребления данной формы императива. Они подробно анализируются в работе (Fortuin 2000). Сочетания с местоимением *я* (иногда с дательной формой *мне*) представлены во всех основных группах переносного употребления, различаемых в указанной работе. Приведем несколько характерных примеров:

⁷ Примеры (3) и (4) переводятся на нидерландский язык без особого труда с сохранением императивной конструкции.

- (5) Все ушли, а **я сиди** дома и **работай** (Fortuin 2000: 123);
- (6) А что же, **мне** все **копай** да **поливай**? Раб я, что ли? (там же 122);
- (7) Барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а **я и позабудь**, где Дуня-то его живет (Пушкин; там же 148);
- (8) **Приди я** пораньше, может стоял бы сейчас рядышком с инфантильными астронавтами (там же 176);
- (9) **Будь я** проклят! (там же 164).

В семантическом плане большинство подобных случаев заметно отличаются от высказываний с сочетаниями, приведенными в пар. 1. Ярче всего это проявляется у так называемого ‘драматического императива’ (Исаченко 1957: 12), представленного в примере (7). Действие здесь является частью повествования и таким образом относится к совсем другому темпоральному плану (не относится к будущему, как конструкции, представленные в примерах (1) и (2)). И случаи долженствовательного типа (5) и (6) не относятся исключительно к будущему. Для этого типа характерно, что речь идет об обязанности, которая существует уже в момент речи. Пример (8) демонстрирует условное употребление императивной формы. В данном примере с главной частью в форме сослагательного наклонения речь идет об ирреальных событиях. Этот вариант представлен наиболее часто и семантически также сильно отличается от случаев типа *давай помогу*. Однако следует отметить, что существует другой вариант условного типа, в котором наблюдается отношение к будущему:

- (10) **Умри я** сегодня, что с вами будет? (Пушкин; РГ-80 1980: 638).

К таким случаям, казалось бы, применимы критерии, перечисленные в конце пар. 1. Тем не менее, побудительность, присущая императивной форме, имеет здесь определенно другой смысл. Она направлена не на совершение действия, а скорее всего на то, чтобы адресат себе представил это событие (и его возможные последствия). Поэтому мы хотели бы исключить такие случаи из числа конструкций, рассматриваемых в настоящей статье. Для этого добавим еще один критерий:

- г) Данная конструкция должна быть свойственной независимому предложению.

Для ‘желательного’ варианта употребления императивной формы, представленного в примере (9), характерно, что действие является неконтролируемым и субъект играет весьма пассивную роль. Как будет показано ниже, для основных типов интересующих нас выражений (например, тип *давай помогу*) характерна как раз контролируемость основного действия. Однако данное качество нельзя использовать как критерий для исключения высказываний ‘желательного’ типа, поскольку неконтролируемость не исключает

ется также в одной из периферийных групп рассматриваемых сочетаний с частицами, а именно с частицей *пусть*. В принципе, все высказывания с ‘желательным императивом’ можно трансформировать в конструкцию с частицей *пусть* – ср. (9) и (9’):

(9’) Пусть я буду проклят!

Поэтому мы предполагаем, что ‘желательный императив’ можно рассматривать как экспрессивный вариант конструкции с частицей *пусть*. См. пар. 7.

4. Несколько замечаний о формах совместного действия

В принципе, т.н. ‘формы совместного действия’ (типа *давай(те) поможем*), не удовлетворяют вышеприведенному критерию б): роль исполнителя действия отводится не только говорящему, но и адресату. Однако ввиду формальной и семантической близости этих форм конструкциям типа *дай(те) помогу* / *давай(те) помогу* мы все же в настоящем параграфе хотели бы остановиться на некоторых особенностях форм совместного действия.

Не вдаваясь в подробности, мы утверждаем, что в современном русском языке основной формой для однозначного выражения призыва или приглашения адресата к участию в действии совместно с говорящим является аналитическая конструкция, образованная из формы будущего времени 1-го лица мн. ч. в сочетании с частицей *давай(те)*. При несовершенном виде основного глагола в положительных предложениях элемент *будем*, как правило, опускается, в то время как в отрицательных предложениях он обычно сохраняется.⁸

(11) Давай(те) поможем – Давай(те) помогать – Давай(те) не будем помогать.

Тот факт, что в современном русском языке основным средством выражения данного значения является аналитическая форма, заметно отличает этот язык от большинства славянских языков, в которых существует особая син-

⁸ Наряду с этой основной конструкцией при подходящих лексических и контекстуальных условиях указанное значение могут выразить еще и некоторые другие формы, типа *идем!*, *пойдем!*, *идемте*, *пойдемте*, *идем-ка*, *пойдем-ка*, *идемте-ка*, *пойдемте-ка*, *пошли* и т.д. Как нам представляется, в случаях употребления формы типа *пойдем* речь идет скорее о контекстуально (и, может быть, интонационно) обусловленном варианте употребления формы индикатива, чем об особой императивной форме, омонимичной с индикативом.

Следует отметить, что аналитическая форма с частицей *давай(те)* грамматистами и преподавателями русского языка долгое время расценивалась как стилистически заниженная. В своей известной работе по стилистике русского языка Гвоздев утверждает, что частица *давай(те)* наряду с подчеркиванием побуждения придает высказыванию “разговорный и просторечный характер” (Гвоздев 1952: 152).

тетическая форма 1-го л. мн. числа императива. Такая синтетическая форма существовала и в старославянском языке. Из современных славянских языков наряду с русским только болгарский и македонский языки не имеют подобных синтетических форм. Как нам кажется, синтетический характер исконной славянской формы является одной из причин, почему и в описаниях русского языка формы совместного действия, несмотря на свой аналитизм, легко воспринимаются как полноправные члены императивной парадигмы.

Указанное различие между славянскими языками можно проиллюстрировать следующими параллельными фразами из переводов книги Л. Кэрролла *Алиса в стране чудес*. В то время как русский и болгарский переводы содержат аналитическую форму (соответственно с частицами *давай* и *да*) в польском и чешском переводах использованы синтетические формы императива 1-го л. мн. ч.:

(12) Английский	Let's all move one place on (<i>Alice in Wonderland</i>);
Нидерландский	Laten we allemaal een plaatsje opschuiven (de Jong); ⁹
Русский	Давайте подвинемся (Демурова);
Болгарский	Да се преместим по-нататък (Голдман);
Польский	Przesuńmy się wszyscy o jedno miejsce (Marianowić);
Чешский	Poposedněme si (Skoumalovi). ¹⁰

Семантика подобных форм или конструкций довольно близка к семантике интересующих нас форм 1-го л. единственного числа. В обоих случаях наблюдается переплетение мысли о преднамеренном действии говорящего с элементом побуждения. Отличия заключаются в основном в роли адресата. Важно иметь в виду, что в данной конструкции значение элемента '1-е лицо множественного числа' определенным образом сужается – здесь возможно только т.н. "инклюзивное" прочтение 'исполнителями действия являются говорящий совместно с адресатом' (см. также пар. 5). До какой-то степени сужается также значение 'будущее время', которое формально представлено в русской аналитической форме – вместо относительно реального, ожидае-

⁹ Данное нидерландское предложение иллюстрирует употребление упомянутой выше конструкции с субъектной формой местоимения (*we*), которая эксплицитно сигнализирует значение призыва к совместному действию. При замене на объектную конструкцию (*laat ons*), данное предложение скорее воспринималось бы как эквивалент русского предложения *Дайте нам подвинуться*.

¹⁰ Интересно отметить, что несмотря на принципиальную возможность образования синтетической формы в сербском и хорватском языках, в рассмотренных нами переводах данная фраза как раз содержит аналитическую конструкцию (ср. пример (29)):

Сербский:	Хајде да се сви помакнемо за једно место (Семеновић);
Хорватский:	Dederte da se svi pomaknemo za jedno mjesto (Jurkić-Šurkić).

мого действия, здесь речь идет лишь о каком-то намерении.¹¹ Далее наблюдается вполне определенное распределение ролей между говорящим и адресатом: говорящий является инициатором идеи совершения указанного действия. Он исходит из того, что подобной идеи у адресата нет. Говорящему представляется целесообразным совершение данного действия именно совместно с адресатом. Поэтому говорящий не только рисует данное совместное действие как возможный шаг в развитии положения дел, но сопровождает эту картину призывом к адресату приступить вместе с ним к осуществлению указанного действия.

В русской конструкции частица *давай(те)* непосредственно выражает этот призыв к адресату. На это указывает и тот факт, что противопоставление по числу – *давай* - *давайте* – выражает именно число (или “статус”, при обращении на *вы*) адресата. Императивное происхождение данной частицы очевидно, и это придает конструкции большую степень прозрачности. Как нам представляется, в этой частице еще не совсем утрачено значение видовой основы, т.е. несовершенного вида. Как известно, в русском языке выбор несовершенного вида в императиве может мотивироваться разными факторами, например, определенной ‘установкой на адресата’ в тех случаях, когда побуждение не должно восприниматься как ‘приказ’ или ‘требование’, а скорее как менее категоричное ‘предложение’ (*проходите, садитесь* и т.п.). Для формы совместного действия такую ‘установку на адресата’ можно считать весьма естественной. Это отражается в том, что в авторском тексте данные высказывания довольно часто¹² эксплицитно описываются как ‘предложение’:

- (13) – Тогда **давай познакомимся**, – предложил смельчак (Аксенов);
- (14) – **Давай проверять**, – предложил Селуянов [...] (Маринина);
- (15) – **Давай будем пить** чай в комнате, – неожиданно предложила она (Маринина).

В статье, посвященной исключительно конструкциям с формой 1-го л. единственного числа (типа *давай(те) помогу* – *дай(те) помогу*), мы отмечали, что характеристика ‘предложение’ применима именно к сочетаниям с частицей *давай(те)*, в то время как сочетания с частицей *дай(те)* скорее воспринимаются как ‘требование’, ‘приказ’ или ‘просьба’ (Барентсен в печ.). Весьма любопытно, что при форме совместного действия такое про-

¹¹ В связи с тем, что и в других случаях форма настоящего-будущего СВ часто имеет различные модальные оттенки, данное сужение значения является менее заметным.

¹² В электронных вариантах текстов Марининой (около 5000 страниц) было найдено 25 таких примеров.

тивопоставление отсутствует.¹³ Поэтому данная конструкция выражает не только предложение, но нередко употребляется также в высказываниях, которые характеризуются как ‘просьба’:

(16) – **Давайте** хоть страху **нагоним**, – попросил Саул (Стругацкие);

(17) – **Давай подойдем** поближе, попросил Саша (Маринина).

Даже при приказах употребление данной конструкции не совсем исключается, хотя нам удалось найти только примеры НСВ с инфинитивом без элемента *будем*:

(18) – **Давай ломать**, – приказал Кузьма (Шукшин);

(19) – Ну, **давай умываться**, – приказал он (Стругацкие).¹⁴

По-видимому, отмеченное различие между обсуждаемыми конструкциями объясняется тем, что семантический элемент побуждения, который в обеих конструкциях выражается частицей *давай(те)*, имеет в них разное применение. При форме совместного действия речь идет о призыве адресата к настоящему действию – от адресата ожидается определенная деятельность, названная основным глаголом. При конструкциях типа *давай(те) помогу – дай(те) помогу* роль адресата является другой, намного более пассивной – он должен лишь выразить свое отношение к предложенной деятельности говорящего (при частице *давай(те)*) или не препятствовать намерениям говорящего (при частице *дай(те)*). (Примеры см. ниже, в пар. 11-12.)

5. Эксклюзивная интерпретация сочетания *давай(те)* + 1-е л. мн. ч.

Иногда встречаются высказывания, где сочетание, внешне сходное с аналитической формой совместного действия, имеет другое значение:

(20) **Давай мы с мужем пропишемся** в вашей квартире, – предложила дочери Вера Григорьевна (Маринина);

¹³ По нашему мнению, отмеченные в РГ-80 (1980: 622) сочетания типа *дай посмотрим* не имеют структурного статуса отдельной аналитической конструкции. Данные примеры (оба из произведений А. Блока) скорее всего следует интерпретировать как окказионализмы. В десятках тысяч страниц исследованных нами литературных текстов последних двух столетий мы смогли найти всего один дополнительный пример такого типа:

– Да что вы, Родион Романович, такой сам не свой? Право! Слушаете и глядите, а как будто и не понимаете. Вы ободритесь. Вот, **дайте поговорим**; жаль только, что дела много и чужого и своего... (Достоевский).

¹⁴ Как приказы могут быть охарактеризованы также примеры, в которых представлены индикативные формы (без частицы *давай(те)*), которые в ряде случаев служат вариантами выражения значения призыва к совместному действию:

– **Пошли** за мной, – приказал он (Кукаркин);

– **Закончим** завтрак и **отправимся** гулять, – решительно приказал он (Маринина).

- (21) **Давай** лучше мы с Лешей **придем** к вам в гости, – предложила Настя (Маринина).

Подчеркнутый компонент в этих высказываниях указывает на то, что в этих примерах форма 1-го лица множественного числа употребляется как раз в эксклюзивном значении, т.е. в значении ‘говорящий + другое лицо (но не адресат)’. Значение всей конструкции в данном случае не отличается от значения сочетания с формой единственного числа, типа *давай(те) помогу*, которое является намного более обычным (см. пар. 12). Поэтому пример (21) легко трансформируется в (22), где говорящий предлагает совершить действие один:

- (22) **Давай** лучше я **приду** к вам в гости.

В сочетании *мы с X*, компонент X раскрывает инклюзивный или эксклюзивный характер конструкции. Таким образом, если X относится ко второму лицу, указанная интерпретация исключается. Ср. (20) и (21) со следующими примерами, где представлена обычная форма совместного действия:

- (23) – **Давайте** мы с вами **вспомним** минувшую пятницу (Маринина);
 (24) – У меня к вам просьба, – сказала она. – **Давайте** мы сейчас с вами чайку **попьем**, [...] а потом пройдем в лабораторию (Маринина).

Однако когда местоимение *мы* употребляется без такого распространителя и суть ‘другого лица’ таким образом эксплицитно не раскрывается, сама конструкция, в принципе, допускает обе интерпретации, и решающая роль отводится контексту. Ср. следующие примеры:

- (25) А вот что, товарищи, я сам это дело не буду решать, а **давайте** мы у часового **спросим** (Белов);
 (26) **Давайте** мы все **сговоримся** (Чехов);
 (27) – В бомбоубежище, – сказал полицейский. – **Давайте** мы **поможем** вам нести детей (Семенов);
 (28) – **Давайте** мы лучше вас **проводим**, – предложил он (Маринина).

Примеры (25) и (26) несомненно следует интерпретировать как случаи употребления формы совместного действия, а (27) и (28) относятся к другому типу, представленному в эксплицитном виде в примерах (20) и (21).

На основе приведенных примеров делаем вывод, что присутствие местоимения *мы* является необходимым, но не достаточным условием для эксклюзивной интерпретации, согласно которой адресат сам активно не участвует в предложенном действии. Данная интерпретация требует эксплицитного указания на другого участника (см. примеры (20) и (21)), или нуждается в сильной поддержке контекста.

6. Самопобуждение говорящего при форме 1-го л. множественного числа

Интересно отметить, что формы, которые могут служить для призыва говорящего к действию совместно с адресатом, встречаются иногда и в тех случаях, когда адресата нет и говорящий обращается к себе (иногда только в мыслях). В подобной ситуации находилась Алиса (*Алиса в стране чудес*), размышляя наедине с собой о том, не превратилась ли она в другую девочку. Приводим английский оригинал и ряд параллельных переводов:

- (29) Англ. Let's try Geography;
 Нидерл1 Laten we het eens met aardrijkskunde proberen (de Jong);¹⁵
 Рус1 Попробуем лучше географию (Нестеренко);
 Рус2 Попробуем географию (Старилов);
 Рус3 Лучше возьмем географию (Заходер);
 Польшк1,2 Spróbujmy geografii (Stiller; Słomczyński);
 Польшк3 Spróbujmy z geografią (Kozak);
 Чешск. Zkusíme to se zeměpisem (Skoumalovi);
 Хорв. Pokušajmo zemljopis (Jurkić-Šurkić).

Во всех этих примерах употребляются формы 1-го лица множественного числа, притом в английском оригинале и в большинстве приведенных переводов (кроме русских и чешского), побудительность выражена эксплицитно. Как и следовало ожидать, в переводах на польский и хорватский употребляется форма императива 1-го л. мн. ч. В чешском переводе использована индикативная форма, которую в данной фразе, согласно носителям чешского языка, можно легко заменить на императивную (*zkusme*). Данный факт можно принять как указание на то, что в определенных контекстах смысловое различие между индикативными и императивными формами данного типа может быть весьма тонким.

Русские переводы, приведенные в примере (29), можно сравнить с чешским. И в них побудительность эксплицитно не выражена. Однако, как известно, при отсутствии местоимения *мы* форма 1-го лица множественного числа легко допускает интерпретацию побудительности (см. прим. 8). Поэтому интерпретация побудительности, или, может быть, близкая к ней интерпретация особой решимости, применима и к приведенным русским примерам.

Множественное число, присутствующее во всех приведенных переводах, здесь конечно выступает в одном из своих переносных значений. Как и в рассмотренных в пар. 2 случаях с формой императива 2-го лица, в примере

¹⁵ Эта же конструкция употребляется в другом нидерландском переводе: *laten we aardrijkskunde proberen* (Matsier).

(29) наблюдается определенная двойственность в представлении говорящего о самом себе. Насколько мы можем судить, в русском языке различия между обоими типами самопобуждения говорящего очень незначительны. Ср. следующие примеры:

(3) Ну-ка, думаю, Вася, **проверь** (Алешковский);

(3') Ну-ка, думаю, Вася, **проверим**.

Подобный тип высказываний заслуживает более внимательного изучения на основе обширного материала. В нашей статье мы вынуждены ограничиться вышеприведенными замечаниями.

Интересно отметить, что в ряде переводов английской фразы, приведенной в примере (29), употребляется конструкция с формой 1-го лица единственного числа. См. следующий материал:

(29') Нидерл2 Ik zal het eens met aardrijkskunde proberen (Reed./Kossm.);

Рус4 Попробую географию! (Демурова);

Рус5 Попробую-ка географию (Набоков);

Польск4 Spróbuję lepije geografii (Marianowicz);

Серб. Да покушам са земљописом (Семеновић);

Болг1 Да опитам география (Голдман);

Болг2 Я по-добре да пробвам как съм с географията (Чохаджиева).

Сербский перевод а также переводы Болг1, Болг2 и Рус5 показывают, что в таких случаях самопобуждение может быть выражено эксплицитно.¹⁶ В русском языке для этой цели можно использовать энклитику *-ка*. Как демонстрирует перевод Демуровой (Рус4), и сама форма будущего времени, без местоимения *я*, в подходящих контекстуальных условиях допускает такую интерпретацию, но, конечно, менее четко, чем в присутствии специальных частиц типа *-ка* и *дай*.

Материал, представленный в этом параграфе, показывает некоторые способы выражения самопобуждения. Скорее всего существуют заметные различия между указанными языками в отношении к количеству таких способов и степени их употребительности. Этот вопрос заслуживает детального анализа. В настоящей статье мы вынуждены ограничиться анализом эксплицитных средств выражения самопобуждения в русском языке (см. пар. 9).

¹⁶ В данном нидерландском примере этот элемент не выражен. Однако, эту фразу можно легко трансформировать в конструкцию с императивом каузативного глагола, о которой шла речь в пар. 1. Самопобуждение говорящего особенно четко выражается выбором субъектной конструкции: Laat ik het eens met aardrijkskunde proberen.

7. Частица *пусть* при форме 1-го л. ед. ч. – ‘оптатив’ / ‘концессив’

В РГ-80 сочетания типа *пусть умру* рассматриваются, наряду с формами императива и формами совместного действия, в рамках ‘синтаксического побудительного наклонения’. Общее значение всех входящих туда конструкций определяется следующим образом: “волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо” (1980: 110). Там же отмечается, что это значение “объединяет в себе ряд более частных значений, совмещающих знач. повеления со знач. пожелания, требования, а также сложившиеся на основе побудительности переносные значения”. В большинстве приведенных в данном разделе примеров с частицей *пусть*, она сочетается с формами 3-го л., однако отмечается, что она может сочетаться и с формами 1-го л. ед. и мн. ч. и реже с глаголом в форме 2-го л. ед. и мн. ч. (там же: 111). Употребление интересующего нас здесь сочетания с формой 1-го л. ед. ч. иллюстрируется несколькими примерами.

В сочетаниях с формой 1-го л., типа *пусть умру*, волеизъявление говорящего по отношению к собственному будущему действию имеет характер, который довольно сильно отличается от того, что мы наблюдаем в других рассматриваемых нами сочетаниях (см. пар. 9-12). Здесь трудно говорить о настоящем побуждении, поскольку данная конструкция в принципе не предполагает наличия побуждаемого лица. В варианте с наиболее сильным, положительно настроенным оттенком волеизъявления данное сочетание воспринимается как выражение желательности. Такой вариант мы назовем ‘оптативом’. Значение оптатива присуще сочетанию *пусть усну* в следующем примере:

- (30) **Пусть** упоенный, / **Усну** я вновь, / Обвороженный, И поутру, / Вновь утомленный, / **Пускай умру**, / Непробужденный!.. (Пушкин).

Этот пример содержит также сочетание с частицей *пускай*, которая обычно трактуется как разговорный вариант частицы *пусть*.

Прототипический оптатив предполагает, что действие рассматривается говорящим как что-то положительное. Однако следует отметить, что в большинстве примеров сочетания частицы *пусть* с формой 1-го л. ед. ч. речь идет о действиях, которые оцениваются как раз наоборот, как отрицательные. См. следующие примеры:¹⁷

- (31) Но, думаю, черт с ним. **Пусть проиграю**, зато прогуляюсь, разомнусь на берегу... (А. Некрасов);
 (32) – Я хочу опять в Петушки...
 – Не поедешь ты ни в какие Петушки!

¹⁷ Не исключено, что сюда относится также второе сочетание в примере (30) – *пускай умру*.

- Ну... **пусть не поеду**, я на Курский вокзал хочу... (Ерофеев);
- (33) – [...] Ты получишь срок и сядешь в тюрьму. Неужели ты этого не понимаешь?
- Что ж, **пускай**, с трагизмом сказала она. – Я готова страдать еще больше, если отец не может позаботиться о своем ребенке. **Пусть я сяду** в тюрьму, но виноват в этом будешь ты (Маринина).

В подобных случаях выражается намного более слабый вариант волеизъявления – готовность или согласие склониться перед судьбой. Хотя говорящий не стремится брать на себя роль субъекта данного действия, он готов смириться с положением дел, “сдаться” под давлением обстоятельств.¹⁸ Этот вариант обозначим термином ‘концессив’.

Нередко при концессиве говорящий приводит какое-нибудь утешающее обстоятельство, смягчая для себя мысль о совершении негативно оцениваемого действия. Это иллюстрируют примеры (31) и (33) (*зато...*, *но...*). См. также следующие примеры:

- (34) **Пусть я погибну**, но и твоя карьера будет кончена, такого тебе не простят (Рыбаков);
- (35) **Пускай погибну** я, но прежде / Я в ослепительной надежде / Блаженство темное зову (Ария Татьяны из оперы *Евгений Онегин*).

В ряде случаев данное, достаточно негативно оцениваемое действие все же предпочитается еще более нежелательному развитию:

- (36) – Я опущу вас... без нее.
– Без нее лучше **пусть** я здесь и **умру** (Пикуль);
- (37) – **Пусть** я лучше еще **похожу** в майорах, но публичного унижения не прощу (Маринина).

По нашим данным, в современных текстах именно этот менее положительно окрашенный вариант (концессив) является самым распространенным. Однако все же не исключаются и примеры с оптативом:

- (38) [О проекте памятника Петру I] – Вы покажите Петра, который гонит перед собой варварство [...] **Пусть я увижу** любовь народов, простерших длани к Петру, осыпая его благословениями. А сбоку пусть лежит могучая фигура, олицетворяющая Россию [...] (Пикуль);¹⁹

¹⁸ Обратите внимание на то, что именно это значение имеет частица *пусть/пускай* в абсолютном употреблении (см. подчеркнутое слово в примере (33)).

¹⁹ Данный пример представляет речь персонажа исторического романа. Таким образом не вполне ясно, насколько он отражает нормы современного языка. Хотим еще обратить внимание на то, что в этом же примере представлено также сочетание с субъектом 3-го лица. В подобных сочетаниях положительная оценка действия является как раз вполне обычной.

- (39) [...] даже думать не могу об этом, господи, **пусть я не буду** об этом думать (Стругацкие).

Положительное отношение к действию явно присутствует и в следующем примере, который приводится в некоторых грамматиках:

- (40) БОБЧИНСКИЙ. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, **пусть я расскажу**, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал (Гоголь).

По нашему мнению, с точки зрения современного языка этот пример следует считать нетипичным. Во первых, речь идет о контролируемом действии, которое говорящий намеревается совершить. Однако, как демонстрируют другие приведенные выше примеры, при данной конструкции роль говорящего обычно является намного более пассивной. Кроме того, в примере (40) в осуществлении действия большую роль играет адресат. От него требуется, чтобы он не препятствовал совершению действия, к которому стремится говорящий. Однако, как было отмечено выше, для сочетаний частицы *пусть* с формой 1-го л. ед. ч. характерно как раз отсутствие побуждаемого лица. По указанным причинам мы предполагаем, что в современном языке в подобном случае на месте частицы *пусть* скорее всего употреблялась бы частица *дай(те)*: *дайте я расскажу*. К сожалению, корпус электронных текстов первой половины XIX в. недостаточно велик, чтобы считать его репрезентативным для установления разницы в употреблении сочетаний с частицей *пусть* в языке того времени и современном. И все-таки отметим, что на такой же объем текстов современного языка приходится в два раза меньше примеров с этими сочетаниями, что может говорить об изменениях в их употреблении, произошедших за последние два столетия (см. количественные данные, приведенные в пар. 13).

Во всех рассматриваемых выше примерах частица *пусть/пускай* сочетается с глагольной формой будущего времени, в соответствии с критериями, сформулированными в пар. 1. Однако для более полной характеристики этой конструкции не следует забывать, что *пусть*, в принципе, сочетается также с глагольными формами других времен. Таким образом, обозначаемое действие может относиться и к настоящему времени, и даже к прошлому:

- (41) Ладно, **пусть я не имею** права, как ты выражаешься, расписаться от имени всех (Стругацкие);
 (42) Ну ладно. Ну **пусть я все понял** про твой храм. Только мне-то что от этого? (Стругацкие).

Насколько нам известно, в таких случаях частица *пусть* всегда имеет значение concessiva. Не следует также забывать, что в сочетаниях с частицей

пусть могут встречаться и все остальные формы грамматического лица. В подавляющем большинстве случаев здесь употребляются формы 3-го л. ед. и мн. ч., однако см. также следующие примеры с формами 2-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч.:²⁰

- (43) – Ну хорошо, **пусть ты прав**, – примирительно произнес Павел Васильевич (Маринина);
- (44) **Пусть мы** сегодня **не раскроем** одно убийство. Мало, что ли у нас этих “висяков”? Зато завтрашние заказные убийства мы встретим во всеоружии (Маринина).

Как нам кажется, во всех приведенных в этом параграфе примерах частицы *пусть/пускай* имеют одно общее значение, хотя оно и представляет собой довольно широкую семантическую зону, полюсами которой являются значения ‘оптатив’ и ‘концессив’.²¹ Эти же значения представлены и в намного более обычных сочетаниях с формами 3-го лица. Однако в последних сочетаниях не исключается также присутствие побуждения, направленного к адресату. По нашему мнению, в русском языке нашего времени в сочетаниях частицы *пусть* с 1-м лицом такая возможность как раз исключается. Это является одним из главных различий употребления данного сочетания с сочетаниями той же глагольной формы с частицами *дай(те)* и *давай(те)* (см. пар. 10-12).

8. О конструкции типа **чтоб я его больше здесь не видел!**

В РГ-80 рассматривается еще один вариант ‘синтаксического побудительно-го наклонения’ – форма, которая образуется “постановкой глагола в форме на -л в сочетании с частицей *чтоб* (всегда безударной)” (1980: 111). Как и при частице *пусть*, здесь возможны субъекты любого грамматического лица и числа, а также безличные конструкции. “Эта форма стилистически ярко окрашена: она принадлежит разговорной речи и просторечию и выражает категорическое требование” (там же). В нашей статье нас интересуют

²⁰ Сочетания с формой 1-го л. множественного числа (см. пример (44)) встречаются весьма редко. Однако по значению этот пример принципиально не отличается от приведенных в данном параграфе примеров с формой единственного числа, которые относятся к ‘концессиву’.

²¹ Весьма архаичным вариантом частицы *пусть* можно считать частицу *да*. Однако, насколько нам известно, эта частица употребляется только при оптативе. Единственный известный нам пример сочетания этой частицы с формой 1-го л. ед. ч. является следующий фрагмент из драмы Пушкина *Борис Годунов*: *О праведник! о мой отец державный! / Воззри с небес на слезы верных слуг / И ниспошли тому, кого любил ты, / Кого ты здесь столь дивно возвеличил, / Священное на власть благословенье: / Да правлю я во славе свой народ, / Да буду благ и праведен, как ты.*

только сочетания с 1-м л. ед. ч., которые в указанной работе иллюстрируются примером *Чтоб я его больше здесь не видел!* (там же: 111, 247).

Данная конструкция во многом напоминает придаточную часть сложных предложений с союзом *чтобы*. В обоих случаях обычно описывается ситуация, к которой стремятся, которая воспринимается как желательная. Ср. следующие примеры:

- (45) **Чтоб я** его больше здесь **не видел!**
 (45') Необходимо /желательно/, **чтоб(ы) я** его больше здесь **не видел.**²²

Поэтому мы будем исходить из того, что в обоих случаях представлено одно из значений сослагательного наклонения – ‘желательность’.²³

Ярко выраженная желательность в большинстве подобных высказываний резко отличает описываемую конструкцию от сочетаний с частицей *пусть*, описанных в предыдущем параграфе.

В рассмотренных нами литературных текстах описываемая конструкция представлена в нескольких разновидностях.

Наиболее редко встречается простое, ничем не осложненное выражение желания:

- (46) – Какие потрясные вомен! **Чтобы я** так **жил**, мама мия!.. (Кунин).

Данная конструкция встречается как выражение проклятия:

- (47) С этими словами она швырнула свою иглу и, громко рыдая, пошла в сторону дома, перемежая рыдания проклятьями в адрес своей соперницы и всего охотничьего клана.
 – **Чтоб я вынула** твое лживое сердце из груди, – рыдала Тали, – **чтоб я его поджарила** на табачной игле, как на вертеле (Искандер);
 (48) – **Чтоб я оплакал** тех мужчин, что выставили тебя на позорище, – говорили одни по этому поводу (Искандер).

Подобные примеры найдены нами почти исключительно в произведениях Фазиля Искандера, где они служат прежде всего для передачи образной речи абхазцев:

²² Формулировка из РГ–80, приведенная нами, как будто бы исключает полную форму *чтобы* при абсолютном употреблении этой конструкции. Однако в найденных нами примерах такой вариант все же встречается (хотя и реже усеченной формы *чтоб*). См. примеры (54) и (55).

²³ Интересно отметить, что кроме желательности в таких же структурах представлен и другой вариант значения сослагательного наклонения – чистая ирреальность. Ср.:

(а) *Чтобы я когда-нибудь с тобой связался!* (Вампилов);
 (б) *Не могу себе представить, чтобы я когда-нибудь с тобой связался!*

- (49) – **Чтоб я похоронил** твой смех, – проурчал председатель по-абхазски (Искандер).

Русскому языку более свойственна несколько иная разновидность, где данная конструкция употребляется говорящим в клятвах, для подкрепления своих слов или обещаний:

- (50) – Накажи меня бог! Лопни мои глаза и **чтоб я издох**, ежели хоть одно слово про вас сказал! (Чехов);
 (51) – Поклянись.
 – **Чтоб я сдох**, – хмыкнул Штирлиц (Семенов).²⁴

По сути дела, здесь оптативное значение уже обращается в concessивное: указанное действие, с точки зрения говорящего, является как раз нежелательным и упоминается лишь как своего рода возможное наказание, которое он готов принять в том случае, если окажется, что он говорит неправду. В данной разновидности значение рассматриваемой конструкции весьма близко к значению конструкции с частицей *пусть*. В этой же функции встречается 'желательный императив' (ср. вышеприведенные примеры (9) и (9')). Различия между этими тремя способами передачи данного смысла скорее всего связаны исключительно с экспрессивностью и идиоматичностью высказывания, ср.:

- (52) **Провались я** на месте, если это неправда!
 (52') **Чтоб я провалился** на месте, если это неправда!
 (52'') **Пусть я провалюсь** на месте, если это неправда!

Самой распространенной разновидностью рассматриваемой конструкции представлен в примере из РГ-80 (45). В лексическом плане этот тип весьма ограничен – встречаются только основные глаголы восприятия *видеть* и *слышать/слыхать* с отрицанием. К этим случаям действительно подходит понятие 'требование' из вышеприведенной цитаты (РГ-80). Адресат должен "способствовать" тому, чтобы говорящий его больше не видел или не слышал разговоров о чем-то, т.е. он должен удалиться или больше не затрагивать нежелательную тему. Таким образом, данные выражения функциони-

²⁴ В русском языке подобные выражения обычно весьма ограничены в лексическом плане. Как правило, употребляются глаголы типа *сдохнуть* и *провалиться*. Ср. более образный вариант клятвы, также из речи кавказца:

Чтоб я кости отца откопал, если не выполним план (Искандер).

руют как экспрессивные синонимы таких императивов, как *уйди(те)*²⁵ и *не говори(те) о...*²⁶

- (53) Они было опять притворились пьяными, обнялись, но я подошел к ним вплотную и сказал грубо: – **Чтоб я** вас через минуту **не видел** на аэродроме! (Незнанский и Тополь);
- (54) Убирайся отсюда, идиот! **Чтобы я** тебя больше **не видела!** (Маринина);
- (55) – Закрой рот, и **чтобы я не слышала** больше ни одного слова (Вишневская);
- (56) Ты блудил с княжной Гагариной – вот тебе пряжки с бриллиантами, только, ради бога, **чтобы я** больше **не слыхала** об этой девке (Пиккуль).

9. Самопобуждение говорящего – внутреннее решение совершения действия: форма 1-го л. ед. ч. с частицами *дай, -ка* и нек. др.

Следующие примеры иллюстрируют самый известный тип сочетания формы 1-го л. ед. ч. простого будущего с побудительной частицей. В них выражается определенное самопобуждение: данные сочетания выражают “призыв к действию, мысленно высказанный говорящим и относящийся к нему самому” (Исаченко 1957: 9). Как отмечает Шведова (1960: 216), таким способом выражается “внутреннее решение” говорящего. В контексте нередко встречаются непосредственные указания на этот “внутренний голос”:

- (57) [...] а Ежик все ходит по тропинке от елочки к елочке, между двух сосен, и ждет рассвета. “**Пойду-ка я** на горку!” – говорит он сам себе (Козлов);
- (58) А когда прозвенел звонок и на веранде появилось много молодых и доброжелательных, как мне показалось, учителей, я решил – **дай я им почитаю** вслух – не может быть, чтобы они не заметили, как я хорошо читаю (Искандер).

Очень часто на возникновение стимула к осуществлению действия в виде такого внутреннего решения указывает глагол *(по)думать*. Это иллюстри-

²⁵ Бросается в глаза, что сравнительно часто императив с таким значением непосредственно предшествует данному выражению (см. пример (54)).

²⁶ Все найденные нами примеры данной разновидности (их больше 20) можно перефразировать именно таким образом. По нашему мнению, в следующем высказывании, где такая перефразировка невозможна, представлена другая конструкция – обычное сложное предложение с придаточным цели.

И уходи ты куда-нибудь подале, чтобы я и не слыхала про тебя! (Бунин).

руется следующими примерами, в которых также представлены все найденные нами типы сочетаний с побудительными частицами:

- (59) [Сын] забыл отца и вдруг вспомнил. Взял да и вспомнил. Дай, подумал, своего старого хрена **вспомню!** (Чехов);
- (60) Смотрю: кого это в белом носит. Думаю, **дай пальну** в воздух для страха (Иванов);
- (61) Подойдя к своему дому, он подумал: “А что, Чжан-то Седьмой небось лежит в амбаре пьяный... **Дай-ка зайду посмотрю**” (Пелевин);
- (62) – А я иду мимо и думаю: **дай-ка зайду**, зоологию проведу, – сказал Самойленко, садясь у большого стола [...] (Чехов);
- (63) Устало сидя в кабинете начальника ташкентского аэровокзала [...] я вдруг подумал: а **залечу-ка** я в Баку к бабушке, поваляюсь там на бабушкином диване, порыбачу со старыми друзьями в Каспийском море [...] (Незнанский и Тополь);
- (64) Я поехала однажды в Москву и думаю – **зайду-ка** я в этот ВАК! Захожу (Дудинцев);
- (65) А **ну-ко**, думаю, **зайду** к Толстому? Зашел (Горький);
- (66) Вот и думает Ермил: «**Сем возьму** его, что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки (Тургенев);
- (67) Вышла я на баз, гляжу – дверь амбарную расхлебенил кто-то. **Сем-ка пойду притворю**, думаю. Вошла, а она у просяного закрома стоит (Шолохов);
- (68) **Схожу**, думаю, поведу ее. От меня она зла не видала, а я на ней зла не помню. **Сем схожу** (Короленко; БАС).

Вышеприведенные примеры демонстрируют, что представленные в них конструкции с элементами *дай*, *-ка*, *дай-ка*, *ну-ка*, *сем* и *сем-ка* по значению достаточно близки, так что их можно считать вариантами выражения общего смысла “внутреннего решения на непосредственное совершение действия”. Основными вариантами являются сочетание с частицей *дай* и сочетание с энклитикой *-ка*.²⁷ Частица *сем* (или *сём*) имеет областной характер и лишь изредка встречается в литературных текстах.

Различия между указанными вариантами являются весьма тонкими и ждут еще окончательного анализа. В настоящем параграфе попытаемся

²⁷ Энклитика *-ка* имеет целый ряд диалектных или просторечных вариантов. Один из них, оающий вариант *-ко*, представлен в примере (65). Другие варианты (Шведова 1960: 216): *-тка*, *-тко*, *-ткась*, *-ткось*, *-кась* и *-кось*.

только отметить некоторые наиболее заметные черты основных вариантов, которые наблюдаются в нашем материале:²⁸

Как известно, частица *-ка* сочетается и с другими глагольными формами, которые употребляются в сфере побуждения. Подробное описание семантики и сочетаемости этой частицы дается в Левонтина (1991), в которой отмечено, что важным элементом значения этой частицы во всех случаях ее употребления является указание на то, что “мысль или потребность возникла только что” (1991: 136) и что требуется немедленное совершение действия.²⁹ Эти элементы несомненно присутствуют и в рассматриваемых здесь случаях. Однако фактически то же самое можно сказать и о сочетаниях с частицей *дай*.

Как нам кажется, различия между данными конструкциями, хотя бы частично, связаны с временной перспективой. Конструкция с частицей *-ка* может легко употребляться в высказываниях, относящихся к настоящей прямой речи говорящего, в которых выражается намерение совершить действие непосредственно после момента речи:

- (69) – Дегтем запахло... – сказала жена. – Дегтем или... чем-то таким, луком... щами.
– М-да... Что-то такое в воздухе... Спать не хочется! Вот что, **зажгу-ка** я свечку... Где у нас спички? (Чехов);
- (70) – Ишь ты! – ответил Незнайка. – А я и не знал, что солнце такое большое. **Пойду-ка расскажу** нашим – может быть, они еще не слыхали про это (Носов);
- (71) – Товарищ наставник, а ведь третьему оттуда, действительно, пожалуй, самому не слезть, – сказал боцман Витя [...] – **Побегу-ка** я на парход за веревками, разрешите? (Конечский).

В подобных высказываниях замена на конструкцию с частицей *дай* затруднительна. В нашем материале имеется только один пример с частицей *дай*, который похож на примеры (69)–(71). Однако здесь передаются скорее мысли персонажа, чем его настоящая речь.³⁰

²⁸ См. также пар. 4 статьи (Барентсен в печ.), посвященный именно этому типу употребления частицы *дай*. Там также представлено несколько примеров с частицей *давай*, статус которых нам не вполне ясен.

²⁹ Возможно, что в случае самопобуждения элемент немедленного совершения действия представлен менее сильно, чем в других случаях употребления частицы *-ка*. См. следующий пример:

Знаешь что? **Схожу-ка** я сегодня к доктору! Попрошу его, чтоб он хоть по частям выплачивал (Чехов).

³⁰ Изредка в подобной функции встречается и *дай-ка*, см. следующий пример:

- (72) (*Шуйский уходит.*) Царь Ух, тяжело!.... **дай** дух **переведу** – Я чувствовал: вся кровь моя в лицо Мне кинулась – и тяжко опускалась.... (Пушкин).

Для обычных примеров употребления частицы *дай* характерно как раз то, что речь идет о действиях, которые уже осуществились. Данная конструкция употребляется в повествовании или для обозначения действия, которое предшествовало моменту речи (часто как своего рода “мотивировка” неожиданного визита):

- (73) В общем, опять идем вслепую на малой, и так бы дошли спокойно, но я тут, идиот, заметил двадцать третьего МИГа, и пошел за ним – **дай**, думаю, **завдвину** ему “Сайдвиндер” в сопло (Пелевин);
- (74) Он радуется, и в то же время ему стыдно своей радости, стыдно этой привычки бывать у Кати каждый вечер, и он находит нужным мотивировать свой приезд какою-нибудь очевидною нелепостью, вроде: “Ехал мимо по делу и **дай**, думаю, **заеду** на минуту” (Чехов).

В данных контекстах, сочетания *дай*, *думаю*, *завдвину* и *дай*, *думаю*, *заеду* можно легко изменить на (*вдруг/неожиданно*) *решил задвинуть/заехать*. Как нам кажется, в таких случаях при перефразировке вполне уместно прибавление наречия типа *вдруг* или *неожиданно*. Это указывает на то, что *дай* вводит некоторый элемент неожиданности, немотивированности для исполнителя. См. также подчеркнутый фрагмент в следующем примере:

- (75) День гуляю, два гуляю... На третий, однако, пришел домой. Стал разболакаться-то, да подумай – как подтолкнул кто: дай-ка, думаю, я еще к куму Варламу **схожу** (Шукшин).³¹

По нашему мнению, у энклитики *-ка* значение “новизны идеи” (Левонтина 1991: 138) не осложняется таким элементом немотивированности. Поэтому она может встречаться в ситуациях, где говорящий ищет решение какой-нибудь проблемы:

- (76) Удивительно мерзкое положение! – думал он, стараясь придать себе равнодушный вид. – Коллежский ассессор с младенцем идет по улице! О господи, ежели кто увидит и поймет, в чем дело, я погиб... **Положу-ка** я его на это крыльцо... Нет, постой, тут окна открыты и, может быть, глядит кто-нибудь. Куда бы его? Ага, вот что, **снесу-ка** я его на дачу купца Мелкина... (Чехов);

– Ну, полно лежать! – сказал он, – надо же встать... А впрочем, **дай-ка** я **прочту** еще раз со вниманием письмо старосты, а потом уж и встану. – Захар! (Гончаров).

³¹ См. также примеры (24)–(27) в статье (Барентсен в печ.) На немотивированность указывает также конструкция *взял да и вспомнил* в примере (59) настоящей статьи.

- (77) “Как бы мне ее назвать? – раздумывал Карло. – **Назову-ка** я ее Бура-тино” (А. Толстой).

Интересно отметить, что в словаре МАС употребление частицы *-ка* при форме 1-го л. ед. ч. описывается следующим образом: “для выражения внезапно возникшего желания или решения что-л. сделать (обычно после некоторых колебаний)”. Как нам кажется, замечание в скобках также отражает отсутствие элемента немотивированности, хотя само по себе данное утверждение, пожалуй, не совсем точное. В большинстве наших примеров нет указаний на преодоление колебаний. Здесь лучше говорить о некоторой неуверенности. См. подчеркнутые элементы в следующих примерах:

- (78) – А может быть, он у нас больной? – сказал доктор Пилюлькин. – **Осмотрю-ка** его, пожалуй (Носов);
 (79) [Передаются мысли Платонова] Это было бы недурно! **Попрошу-ка** Софью отложить отъезд недели на две, а сам с генеральшей поеду! Право... Две недели – только! Софья согласится... Может пока у матери пожить... **Попрошу-ка... а?** (Чехов).

Такой оттенок неуверенности у частицы *дай* не наблюдается. Эта частица имеет как раз довольно сильно выраженный характер решительности. Не исключено, что в сочетании *дай-ка* энклитика *-ка* мотивируется именно желанием смягчить решительный характер высказывания. Однако примеров с последним сочетанием у нас слишком мало, чтобы можно было подтвердить такое положение.

В заключение данного параграфа отметим, что в подходящей ситуации, уже сама глагольная форма 1-го л. ед. ч. простого будущего, без рассмотренных здесь частиц, в состоянии выразить только что возникшее намерение говорящего перейти к немедленному совершению действия. См. Рус4 в примере (29'), пример (68) и следующий:

- (80) “Да уж ладно, **пойду** в чем есть”, – решила она (Маринина).

10. Призыв к адресату на санкционирование действия говорящего: форма 1-го л. ед. ч.³² с частицами *дай(те)(-ка)* и *давай(те)(-ка)*³³

В отличие от рассмотренных выше случаев, волеизъявление здесь направлено прежде всего на адресата. Это выражается в том, что к частице *дай* или *давай* прибавляется постфикс *-те*, если адресат относится к грамматическому множественному числу:

- (81) – А бланк порвите. Нет, **дайте** я сам **порву**. А то, не дай бог, случится с **вами** что-нибудь, а полиция к нам пожалует (Стругацкие);
 (82) – **Давайте** я вам все-таки чайку **налью**... – предложил он (там же).

Как демонстрируют эти примеры, призыв к адресату не относится к самому совершению действия. Исполнителем действия здесь является исключительно сам говорящий. От адресата же ожидается только то или иное ‘санкционирование’ действия – он должен дать свое согласие или одобрение, или хотя бы не мешать совершению действия. Для краткости изложения и для подчеркивания того, что в данной функции указанные частицы выражают отмеченное отношение к адресату, мы обозначаем их далее следующим образом: *дай(те)* и *давай(те)*.³⁴

Функционирование этих частиц при формах 1-го л. ед. ч. подробно рассматривается в Барентсен (в печ.). В настоящей статье мы лишь коротко изложим наиболее важные выводы этой работы и приведем ряд дополнительных примеров.

В современных текстах частицы *дай(те)* и *давай(те)* встречаются почти одинаково часто, и выбор между ними нельзя считать случайным или совершенно произвольным. Нередко встречаются случаи, где замена одной частицы другой является затруднительной. Выбор той или другой частицы сильно связан с отношениями между говорящим и адресатом, а также зависит от

³² В определенных условиях основной глагол можно пропустить. Следующий пример иллюстрирует подобный эллипсис:

– Э, не умеешь ты! – сказал Власьев. – **Дай-ка** я... (Пикуль).

³³ Судя по некоторым примерам из романа Шолохова *Тихий Дон*, областная форма *сем-ка*, наряду с функцией самопобуждения (см. предыдущий пар.) выполняют и эту функцию. См. следующий пример:

– Ну, погоди, чего ж ты голодная-то пойдешь? **Сем-ка** я молочка кислого **положу**?

³⁴ К этим частицам может присоединиться энклитика *-ка*. В настоящей статье эти сочетания особо не рассматриваются, поскольку энклитика *-ка* здесь имеет то же самое значение, что и в сочетаниях с обычными императивными формами (см. уже упомянутую работу Левонтиной (1991)). Как было отмечено в пар. 8 нашей предыдущей работы (Барентсен в печ.) *-ка* почти в два с половиной раза чаще сочетается с частицей *дай(те)*, чем с частицей *давай(те)* (см. также пар. 13). Как нам кажется, этот факт соответствует описанным ниже различиям в значении этих частиц.

степени заинтересованности говорящего в осуществлении действия: при форме *дай(те)* господствуют интересы самого говорящего, в то время как при форме *давай(те)* побуждение является менее настойчивым, и говорящий больше считается с интересами адресата. Последний фактор мы называем 'установка на адресата'.

Попытаемся выразить наиболее важные признаки обеих частиц в данных сочетаниях:

дай(те) выражает желание/намерение говорящего немедленно совершить действие с просьбой/требованием к адресату не мешать ему при этом (*≈ я хочу...*);

давай(те) выражает готовность говорящего к совершению действия, идея о целесообразности которого только что появилась. При этом говорящий в большой степени руководствуется предполагаемыми интересами адресата (*≈ я готов...*).

В следующих параграфах приводятся примеры, которые иллюстрируют присутствие данных признаков в различных типах употребления данных сочетаний. В комментариях к некоторым примерам мы ссылаемся на выбор вида при обычном императиве. Это связано с тем, что, как нам кажется, противопоставление частиц *дай(те)* и *давай(те)* в большой степени мотивируется теми же факторами, которые определяют функционирование вида в императиве. Более подробно об этом в последнем параграфе указанной статьи Барентсена (в печ.).

11. Употребление частицы *дай(те)(-ка)*

Речевой акт, который совершается в данных высказываниях, может иметь характер просьбы: совершение действия желательно для говорящего, но требует согласия или содействия со стороны адресата:

- (83) – Триша! Я тебе одно только слово скажу... Пстой! Я ведь ничего... Слово одно только... Послушай! Прошу и умоляю тебя, подлеца, на старости лет! Голубчик!
– Ну?
– Видишь ли... Я тебе четвертную дам и даже, ежели желаешь, жалованья прибавлю... Тридцать рублей дам, а ты... **дай** я тебя **выпорю**! Разик! Разик выпорю и больше ничего!
Трифон подумал немного, взглянул на луну и махнул рукой.
– Не согласен! - сказал он и поплелся в людскую... (Чехов);
- (84) Это какая же Шарлотка? А-а помню. **Дай-ка** я тоже **перепишу**... Ну, спасибо (Стругацкие);
- (85) – Дайте мне, – сказал вдруг Лесник. – **Дайте** я ему **скажу**... Мне дай-те... (Стругацкие);

- (86) – Ну что, взяли злодейку с поличным? – весело приветствовал посрамленного Фандорина начальник [...] – **Дайте угадаю**. Про мистера Кокорин миледи в жизни не слышала [...] Так? (Акунин).

В подобных случаях речь идет нередко о перемене позиции говорящего:

- (87) – **Дай-ка** я около тебя **сяду** (Паустовский);
(88) Над ним склонился Талов:
– Что, лейтенант?
– Куда вы меня барабаните? **Дайте-ка** я **встану** на ноги.
– Лежи, лежи...
– Нет, мне лучше встать, – Павлов приподнялся на локте, – лучше самому дойти (Солоухин).

Иногда дается мотивировка действия. Этот фактор и при обычных формах императива способствует выбору совершенного вида:

- (89) – Да погоди ты, торопыга... – стыдливо поглядывая на меня, бормочет Водила. – **Дай** хоть окна **занавешу**... Неровен час, увидит кто. Неудобно же! (Кунин).

В ряде случаев речевой акт имеет скорее характер *требования*. Данному высказыванию нередко предшествует другое высказывание с обычным императивом (часто типа *подожди(те)*):

- (90) – Ну, давай, – сказал блатарь постарше.
– Подожди, **дай** я **поиграюсь** еще маленько, – отвечал молодой (Шаламов);
(91) – Не спеши дорогой, не спеши. **Дай** я **посчитаю**. Дорого берешь за старое барахло (Кукаркин).

В предыдущих случаях, роль адресата была довольно значительной. Однако нередко встречаются случаи, где говорящий фактически не ожидает реакции от адресата и сразу же переходит к совершению действия:

- (92) – На что давался волосья простригать? Ишь суродовали как!.. Доктора тебя вы пользуют до черта, **дай-ка** я **залечу**.
Не спрашивая согласия, он достал из патронташа патрон, вывернул пулю и на черную ладонь высыпал порох (Шолохов);
(93) – **Дай** я **затянусь**, – сказала Наташа, присаживаясь к Сэму на колени и вынимая из его пальцев горящую сигарету (Пелевин);
(94) – Ну **дай-ка** я тебя **поцелую**. Да загорелый ты какой! (Веллер).

Следует отметить, что в тех случаях, когда данная конструкция выражает просьбу (как в первых примерах настоящего параграфа), она может быть довольно близкой к конструкции, где *дай(те)* сочетается с инфинитивом. Ср. пример (87) со следующим:

- (95) – Мне плохо, – простонала она [...] – **Дай** мне **сесть** куда-нибудь (Маринина).

В подобных случаях форма *дай(те)* воспринимается уже как настоящий императив от глагола *дать*, который входит в синонимичный ряд с глаголами *позволить, разрешить, не мешать, не препятствовать* (Храковский и Володин 1986: 130). По сравнению с личной конструкцией, рассматриваемой в настоящем параграфе, при инфинитивной конструкции роль говорящего является намного менее активной. См. также примеры, приведенные в конце пар. 6 в Барентсен (в печ.). В ряде других языков обеим конструкциям соответствует в основном всего одна конструкция, например, конструкция с каузативным глаголом в германских языках (см. пар. 1). При переводе с этих языков могут возникнуть проблемы выбора наиболее подходящего русского соответствия. Поэтому было бы желательно более подробно исследовать соотношения данных конструкций. Однако такая задача выходит за рамки настоящей статьи.

12. Употребление частицы *давай(те)(-ка)*

Речевой акт, который совершается в высказываниях, где эта частица сочетается с формой 1-го л. ед. ч. основного глагола, чаще всего имеет характер предложения. Это обычно предполагает, что совершение действия считается более важным для адресата, чем для говорящего. Такое отношение весьма естественно в тех случаях, где говорящий предлагает свою помощь:

- (96) Правой рукой он переложил поудобней левую в черной косынке и достал из кармана брюк спички.
– **Давай помогу**, – предложил Кожамкулов.
– А я и сам с усам, – Волков положил коробок на колено и одной рукой зажег спичку (Кунин),³⁵
(97) – **Давай** я тебя **раздену**. Зачем напился-то?
Дед грузно опустился на лавку (Шукшин).

Речевой акт предложения очень естественен в ситуации вежливого общения, например, при приеме гостей. Как известно, в такой ситуации и при обычном императиве, как правило, выбирается несовершенный вид:

³⁵ При глаголе *помочь* встречается также конструкция с частицей *дай(те)*. При данном глаголе разница очень тонкая. Выбор последней частицы делает предложение помощи всего лишь более решительным, стремительным:

Бригадир поздоровался так, что будто только вчера потух наш последний костер. Я хоть и был немного этим разочарован, но тоже не стал делать из встречи события.
– **Дай помогу**.
– *Да не! Уже все* (Белов).

- (98) – Илья Ильич – наш помощник, правая рука. (*Нежно.*) **Давайте**, крестенький, я вам еще **налью** (Чехов).

Довольно часто встречаются случаи, где говорящий предлагает адресату проводить его куда-то. И здесь обычно преобладают интересы адресата. Такое действие требует сравнительно много времени и усилий со стороны говорящего и определенного содействия адресата:

- (99) – **Давай** я тебя к подруге **отвезу**. Отсидишься у нее, а там видно будет.
– Поехали (Кукаркин).

Те же факторы играют роль и в следующем примере:

- (100) – Я не умею плавать, – призналась богиня.
– **Давайте** я вас **научу** (Климов).

Очень характерен выбор частицы *давай(те)* в ситуации, где речь идет о распределении ролей между говорящим и адресатом. Такие случаи очень напоминают употребление форм совместного действия с той же частицей:

- (101) – В темноте я вижу, – сказал Максим, – а вот из-за вашего фонарика ничего разобрать не могу... **Давайте**, я **пойду** вперед, а вы останьтесь. А то мы так ничего не узнаем (Стругацкие).³⁶

Фактор ‘распределения ролей’ действует и в следующем примере из книги *Том Сойер*, где речь идет об игре мальчиков:

- (102) – А теперь, – сказал Джо, – **давай** я тебя **убью**. А то будет не по чести (Марк Твэн; пер. с англ. Н. Дарузес).

В вышеприведенных примерах инициатива явно исходила от говорящего. Однако встречаются и такие случаи, где говорящий реагирует на просьбу или предложение адресата. В таких случаях речевой акт имеет характер согласия. Как известно, и при обычном императиве согласие чаще всего выражается несовершенным видом:

- (103) – Ну, будь веселым, – сказала Катя, – давай весели меня.
– **Давай повеселю**, – сказал я.
Мы снова начали танцевать, но уже не так, да и музыка была другая (Аксенов).

И в следующем примере инициатива исходит от адресата, и здесь не исключено, что говорящий соглашается довольно нехотя:

³⁶ Фактор ‘распределение ролей’, связанный с частицей *давай(те)*, является более сильным, чем связанный с частицей *дай(те)* фактор ‘мотивировка действия’ (ср. пример (88)).

- (104) – Вот он и обязывает тебя не уходить в кусты от таких вопросов. Ты должен хотя бы пытаться.
– Ну что ж, **давай попробую** (Аксенов).

Как уже было отмечено выше, наиболее часто конструкция *давай(те)* + 1-е л. ед. ч. употребляется для выражения определенного вида предложения. В названной функции она очень близка к конструкции со словоформами *хочешь* или *хотите*.

- (105) **Хочешь**, я жаркое **разогрею?** – предложила Ольга (Маринина);
(106) **Хотите**, я вас **отвезу?** – предложил Антон (Маринина).

Таким образом, в подходящих контекстах последняя конструкция может функционировать как синоним конструкции с частицей *давай(те)*, хотя она, собственно, не относится к настоящим побудительным конструкциям.

13. Некоторые количественные данные

В заключение нашей статьи приводим некоторые данные о встречаемости рассматриваемых конструкций.

На схеме 1 показано распределение основных типов в текстах из четырех равных периодов, от начала XIX в. до конца XX в. Для каждого периода был создан корпус в 1,5 миллиона словоупотреблений, что соответствует примерно 5000 страниц книгопечатного текста. При этом мы старались представить как можно больше разных авторов (см. приложение).

Соответственно указано количество примеров следующих типов:

Тип I: ‘оптативные’ конструкции – *пусть я умру* + вариант *чтоб(ы) я не видел...* (светло-серые столбцы);

Тип II: конструкции, выражающие ‘самопобуждение’, ‘внутреннее решение’ – *дай(-ка)* + варианты *-ка* или *ну-ка* (темно-серые столбцы);

Тип III: конструкция с частицей *дай(те)(-ка)* (белые столбцы);

Тип IV: конструкция с частицей *давай(те)(-ка)* (черные столбцы).

Схема 1 показывает заметные различия по отношению к последнему типу, с частицей *давай(те)(-ка)*: при полном отсутствии этого типа в текстах первой половины XIX в. этот тип является самым распространенным в текстах нашего времени. Несмотря на то, что общее количество примеров довольно ограничено, этот факт, как нам кажется, следует интерпретировать как указание на интересное изменение в системе побудительных конструкций современного русского языка за последние два столетия.

Как показывает схема, тип III с частицей *дай(те)(-ка)* представлен уже в начале XIX в., хотя встречается значительно реже, чем в последующие периоды.

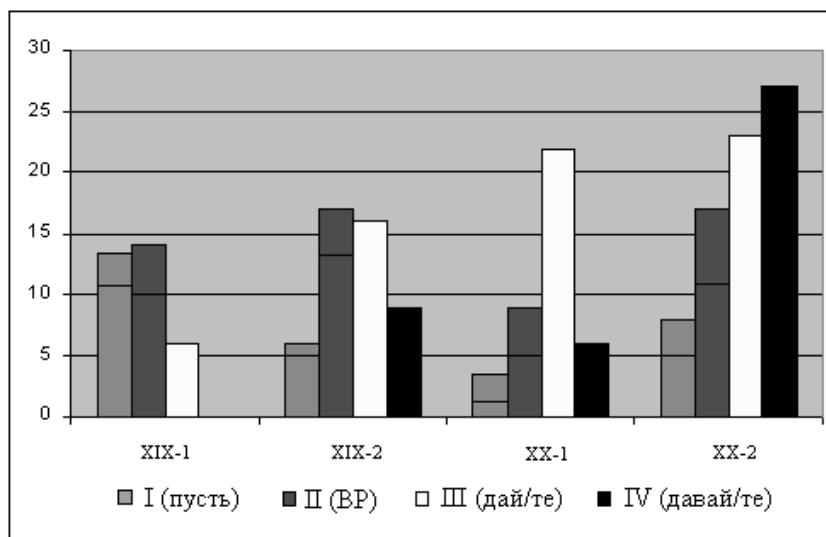
Рост распространения типов III и IV, по всей вероятности, связан с другими изменениями в употреблении побудительных форм. Чтобы выявить по-

добные связи, следовало бы также исследовать употребление довольно близких по семантике конструкций типа *дай(те)/позволь(те) (мне) + инф.* По нашим предварительным наблюдениям заметные различия наблюдаются именно в частотности употребления формы *позволь(те)* (в сочетании с инфинитивом): в первой половине XIX в. она употреблялась значительно чаще (больше 200 примеров), чем в наше время (меньше 20 примеров).

На схеме 1 можно увидеть еще и другую тенденцию: снижение употребления частицы *пусть* при формах 1-го лица (см. пар. 7). Однако малое количество примеров не позволяет сделать окончательные выводы. К этому вопросу следовало бы вернуться, имея больше фактического материала.

Схема 1: Распределение основных типов в корпусах разных периодов

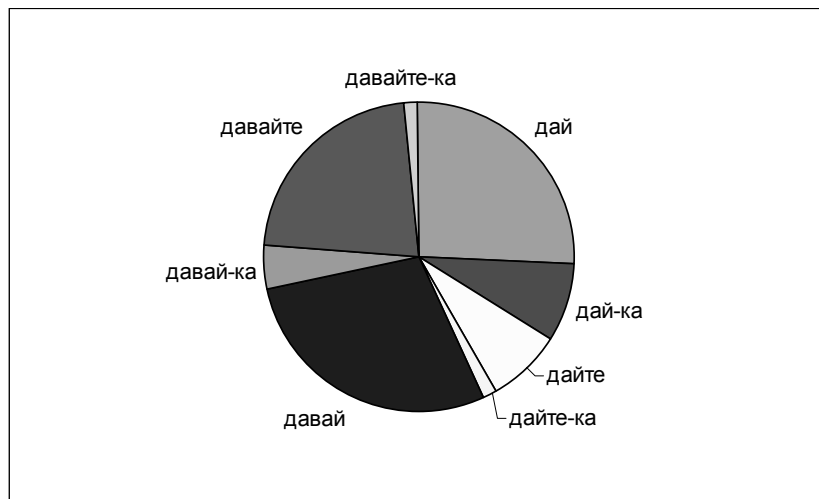
(Объем каждого корпуса прим. 5000 стр.; указывается количество примеров данных конструкций; верхняя часть столбиков типов I и II относится к вариантам)

Чтобы проверить, насколько надежны представленные в схеме 1 данные о соотношении типов III и IV в современном языке, был проанализирован более объемный корпус современных текстов. Все тексты относятся к подлинным произведениям русской литературы второй половины XX в. Объем этого корпуса около 7,5 миллионов словоупотреблений (т.е. в 5 раз больше, чем отдельные корпуса, которые были проанализированы для схемы 1). В этом корпусе мы нашли 221 пример типов III и IV. Мы отдельно считали формы единственного и множественного числа и сочетания с частицей *-ка* и без нее. Результаты подсчета представлены в схеме 2.

Схема 2: Относительная частотность разных сочетаний типов III и IV в текстах второй половины XX в.

(Объем корпуса более 25000 стр.)

Данные, представленные в этой схеме, подтверждают общее соотношение между типами III и IV в правой части схемы 1: в современных текстах сочетания с частицей *давай(те)* встречаются действительно чаще, чем сочетания с частицей *дай(те)*. Кроме того наблюдаются определенные различия у данных типов в частотности форм единственного и множественного числа и в сочетаемости с энклитикой *-ка*, которые, по нашему мнению, довольно естественно вытекают из семантических различий, описанных в пар. 10-12.

Амстердамский университет

ЛИТЕРАТУРА

- Барентсен, Адриан
в печ. "К вопросу о видовой оппозиции в конструкциях типа *дай помогу* – *давай помогу*". В: V. Lehmann (ed.), *Семантика и структура славянского вида IV*. München.
- Гвоздев, А.Н.
1952 *Очерки по стилистике русского языка*. Москва.
- Исаченко, А.В.
1957 "К вопросу об императиве в русском языке". *Русский язык в школе* 1957/6, 7-14.

- Левонтина, И.Б.
1991 “Словарные статьи частицы -ка и существительного *месяц*”. *Семиотика и информатика* 32, 136-142.
- МАС
1957-1961 *Словарь русского языка. В четырех томах.* Москва.
- РГ-70
1970 *Грамматика современного русского литературного языка.* Москва.
- РГ-80
1980 *Русская грамматика. Том I.* Москва.
- Храковский, В.С. и А.П. Володин
1986 *Семантика и типология императива. Русский императив.* Ленинград.
- Шведова, Н.Ю.
1960 *Очерки по синтаксису русской разговорной речи.* Москва.
- Fortuin, Egbert L.J.
2000 *Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and the dative-infinitive construction in Russian.* (Dissertation). Amsterdam.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список авторов, входящих в корпуса

XIX-1

Аксаков С.Т., Аксаков К.С., Баратынский Е.А., Бестужев А.А., Давыдов Д.В., Дурова Н.А., Ган Е.А., Глинка Ф.Н., Глинка С.Н., Гоголь Н.В., Загоскин М.Н., Карамзин Н.М., Киреевский И., Лермонтов М.Ю., Мельгунов Н.А., Одоевский В.Ф., Павлов Н.Ф., Погодин М.Н., Погорельский А., Пушкин А.С., Сенковский О.И., Сомов О.М., Титов В.П., Вельтман А.Ф.

XIX-2

Гаршин В.М., Гончаров И.А., Данилевский Г.П., Достоевский Ф.М., Куприн А.И., Лесков Н.С., Писемский А.Ф., Салтыков-Щедрин М.Е., Соловьев В.С., Толстой А.К., Толстой Л.Н., Тургенев И.С., Чернышевский Н.Г., Чехов А.П.

XX-1

Аверченко А., Агеев М., Андреев Л., Бабель И., Булгаков М., Бунин И., Гайдар А., Горький М., Грин А., Гумилев Н., Иванов В., Иванов Г., Ильф И. и Петров Е., Инбер В., Замятин Е., Зощенко М., Леонов Л., Набоков В., Олеша Ю., Пастернак Б., Платонов А., Толстой А., Чаянов А., Шагинян М., Эренбург И.

XX-2

Айтматов Ч., Аксенов В., Алешковский Ю., Антонов С., Аржак Н. (Даниэль Ю.), Белов В., Битов А., Вампилов А., Веллер М., Вишневская Г., Войнович В., Высоцкий В., Довлатов С., Ерофеев В., Жванецкий М., Искандер Ф., Казаков Ю., Климов Г., Конечский В., Кошко А., Козлов С., Кукаркин Е., Кунин В., Лаптев Ю., Маканин В., Маринина А., Мандельштам Н., Нагибин Ю., Некрасов А., Незнанский Ф., Незнанский Ф. и Тополь Э., Никитин С., Носов Н., Паустовский К., Пелевин В., Петрушевская Л., Пиккуль В., Попов Е., Рождественский Р., Рыбаков А., Семенов Ю., Солженицын А., Солоухин В., Сорокин В., Стругацкие А. и В., Тарасенкова Н., Терц А. (Синяевский А.), Токарева В., Трифонов Ю., Урусов А., Успенский Л., Шаламов В., Шмелев И., Шукшин В.

В расширенном корпусе второй половины XX в. представлены те же авторы (с большим количеством текстов) плюс следующие авторы:

Окуджава Б., Распутин В., Толстая Т., Троепольский Г.

